

РЕЦЕНЗИИ, ОБЗОРЫ

К.В. Ворожихина

Экзистенциальное в русской мысли*

Ворожихина Ксения Владимировна – кандидат философских наук, научный сотрудник. Институт философии РАН. Российская Федерация, 109240, г. Москва, ул. Гончарная, д. 12, стр. 1; e-mail: x.vorozhikhina@gmail.com

Рецензируемая книга В.П. Визгина «Лица и сюжеты русской мысли» посвящена мыслителям «золотого и серебряного века русской культуры», а также философам, писателям и исследователям культуры советского и постсоветского периодов. В статье прослеживается развитие и соотношение двух выделенных автором тенденций в истории русской философии – экзистенциальной (акцентирующей субъективно-личностное начало мысли) и платонистской (тяготеющей к объектоцентризму, рационализму и онтологизму); рассматривается ключевое для книги понятие резонанса, используемое автором для обозначения схождения, духовной близости и переклички идей интересующих его мыслителей, а также раскрывающее причину этого интереса. Кроме того, в рецензии разбираются представления Визгина о природе экзистенциального мировосприятия и особенностях русской философии, одной из которых является ее «литературоцентричность».

Ключевые слова: русская философия, В.П. Визгин, экзистенциальная философия, резонанс, Г. Марсель, Л. Шестов, платонизм, философия всеединства, П.А. Флоренский

Новая книга известного историка науки и философии В.П. Визгина посвящена «лицам и сюжетам русской мысли», причем больше лицам, нежели сюжетам. Она состоит из двух частей: в первой собраны статьи о мыслителях «золотого и серебряного века русской культуры» – В.А. Жуковском, Л. Шестове, П.А. Флоренском, Ф.М. Достоевском, Вяч. Иванове, Г.В. Флоровском, С.Н. Дурьлине и др.; во вторую часть вошли работы о философам, писателях и исследователях периода «после серебряного века» – советских и постсоветских.

Ключевое понятие книги, «задающее тон» рассуждениям автора и объясняющее, между прочим, логику подбора им персонажей и философских тем для обсуждения, – понятие *резонанса*. Как пишет Визгин, резонанс – это «способ жизни культуры», событие «узнавания себя в другом», пробуждающее самопознание и «ведущее к сотворчеству» (с. 149): «Творчество – любое – немислимо без “зацеплений”. “Шестеренки” нашего ума (души, всей личности) способны “сцепляться” с “шестеренками” другой личности, вызывая небывалые в ней движения... Не все “зацепления” стимулируют творчество, но те, что ему действительно способствуют, мы называем “резонансами”» (с. 150). Другими словами, это схождение, встреча,

* Рецензия на книгу: Визгин В.П. Лица и сюжеты русской мысли. М.: Фонд «Развития фундаментальных лингвистических исследований», 2016. 360 с.

диалог, духовная связь или перекличка, созвучие мыслей, идей, чувствований личностей. Таким образом, резонанс является одной из основополагающих структур творческой деятельности и культуры.

Визгин отмечает, что в русской философской традиции (в отличие от западной) особенно много душ, с которыми можно ощутить эффект резонанса, которые «захватывают, увлекают и вдохновляют», «которых чувствуешь», с которыми «стремишься... собеседовать» (с. 11).

Русская философия в значительной степени складывалась не в университетах и не на кафедрах, а «в беседе, споре, переписке, интимном дневнике» (там же), именно в мемуарах и личных свидетельствах мы можем соприкоснуться с внутренним миром философа, ощутить «исповедально-дружескую» близость русских мыслителей. Поэтому история русской философии пишется Визгиным на основе исповедей, воспоминаний и переписки, которые являются не только способом сообщения мыслей и переживаний пишущего адресату (или читателям), но средством нравственного самосовершенствования.

В русской философии Визгину оказывается близкой тема «укорененного в верующем сердце разума» (там же), «цельного знания», «живознания», присутствующая уже у Жуковского. Русские мыслители в его книге находятся в постоянном диалоге с французскими философами и писателями: так Жуковский «беседует» с Шатобрианом, Мен де Бираном, Руссо, Бернарденом де Сен-Пьером, Гизо, Дежерандо; Достоевский, Шестов, Флоренский и Флоровский «встречаются» с Габриэлем Марселем. Причем Марсель – христианский экзистенциальный мыслитель-диалогист – оказывается для автора образцом философа.

В отличие от Марселя, Лев Шестов – не персоналист, не философ диалога, а скорее философ жизни. Сопоставляя взгляды Шестова и Марселя, в определенный период находившегося под влиянием русского философа, Визгин подробно разбирает сюжет, проливающий свет на различия экзистенциальной мысли обоих. Так, Марсель, поначалу потрясенный и взволнованный идеями Шестова, позднее со смущением обратил внимание на то, что, как он выразился, Шестов стучал туда, где не было двери. Шестов отметил, что замечание французского философа не лишено тонкости: действительно, двери нет, но надо продолжать стучать (вероятно, аллюзия на Мф. 7:7: «Стучите, и отворят вам»). Визгин анализирует образы стука, двери и предполагаемой глухой стены. Дверь в этом контексте символизирует присутствие Бога, Его готовность пойти навстречу человеку, это «некий знак свыше, ориентирующий наши искания» (с. 47), «свидетельство о личной заинтересованности Высшего Лица в человеке как личности» (с. 49). Выходит, что шестовский стук в глухую стену – это зов, мольба, обращенные к молчащему Богу, это «глас вопиющего в пустыне» (Ис. 40:3), знак безнадежности. Таким образом, возникает ситуация одностороннего диалога, общения без взаимности, которая оказывается неприемлемой для философа диалога Марселя. Французский мыслитель – философ надежды, отрицавший шестовский путь «творчества из ничего», т. е. отчаяния как истока человеческих упований.

Центральное место в книге занимает тема соотношения экзистенциальной мысли и платонизма, философии всеединства. Так, например, в творчестве Павла Флоренского Визгин прослеживает нарастание платонистской и объективирующей тенденции в ущерб экзистенциальной. По мнению автора книги, в раннем докладе «Догматизм и догматика» отправной точкой Флоренского является личный экзистенциальный опыт; в переходном сочинении «Столп и утверждение истины» («экзистенциально-платонистском диптихе», с. 112) обе тенденции уравнивают друг друга (причем к концу произведения происходит нарастание «холодного онтологизма»); в поздней «Философии культа» экзистенциальная компонента, не исчезая совсем, оттесняется платонистским объективизмом.

Это противопоставление является вариацией шестовской оппозиции Афин и Иерусалима. Платонизм, согласно мысли Визгина, рационализирует мир и Бога, делая их безличными объектами (отсюда идея вѣдомого Бога, предполагающая

возможность отстраненного богопознания человеческим разумом). От платонистской традиции Флоренский наследует специфически эллинское натурфилософское «прельщение» и языческое ощущение космоса (хотя для софиологического и языческого восприятия мира, природы и космоса едва ли характерны дистанцирование и отчужденность).

Экзистенциальная философия, подчеркивает Визгин, акосмична, она глубоко личностна и ориентирована на субъекта. Бог для экзистенциального мыслителя раскрывается в общении с человеком, который, как и человек, определяется скорее апофатично, Он сокрыт в тайне, невыразим. Религиозная экзистенциальная философия основана на вере и молитве, причем ее конфессиональная принадлежность определена минимально. Более того, по мнению Визгина, свободное творчество не может быть безошибочным с религиозной точки зрения, то есть не бывает «без “ереси”, говоря по-церковному» (с. 281). У Флоренского же, замечает автор, мы видим приоритет церковности перед личностью: «Мы верим Церкви, – подчеркивает о. Павел, – а не лицам» (цит. по: Визгин, 2016, с. 120–121); его «платонизированная церковность» (с. 121) оказывается одним из источников объектоцентризма. Кроме Флоренского, Визгин взвешивает на сконструированных им экзистенциальных весах и других русских философов – Розанова, Франка, Флоровского, Достоевского, а также Бердяева, которого, в отличие от Флоренского, критикует как раз за его религиозную «ошибочность» и еретизм *sub specie ecclesiae*, называя «мальчишескими фантазиями» попытки Бердяева «открыть тайники духа, независимые от церкви и христианской традиции» (с. 315).

Но все же оппозиция христианской экзистенциальной мысли и платонизма, если верить Визгину, не радикально дихотомична. Платонизм сочетает в себе символизм, который приемлется «христиански ориентированным сознанием» (с. 129), и рационализм, «абсолютистские претензии» (там же) которого оно ограничивает. Религиозная экзистенциальная мысль вдохновляется платонизмом и пытается преодолеть ограниченность его рационализма.

Как подчеркивает автор, экзистенциальная философия рождается из духа трагедии, из ощущения тревоги, при этом пытаюсь не только описать и осмыслить человеческое бытие в условиях мира, который «лежит во зле» (1Ин. 5:19), но и предлагает определенные духовные практики, позволяющие существовать в нем, т. е. представляет собой «диагноз вместе с терапией» (с. 173). Экзистенциальная философия, развиваясь в некотором отдалении от исторических религий, несет в себе импульс обновления богословия, переоткрывая понятие человеческого существования. Кроме того, в ней заложена преобразующая сила – она стремится к подлинному существованию, находящему свое выражение в поступках, а не только к знанию о нем (в отличие от экзистенциализма).

Экзистенциальное мироощущение имеет свой язык – «страстно-духовный и духовно-страстный, символический, художественно-спиритуальный» (с. 160); именно благодаря слову возможна экспрессия, «выразительное самообнаружение духовных глубин человека» (с. 161). И поэтому художественное начало неотделимо от философии. Кстати, тема искусства (в особенности, музыки и поэзии) звучит лейтмотивом в книге. Кажется, такая художественная и страстная философия (Визгина и по Визгину) не может не находить отклика у читателя, даже самого философски немзыкального. Пафос экзистенциального философствования автора «Лиц и сюжетов русской мысли» по-настоящему заразителен. Творчество Визгина как историка философии неразрывно связано с литературой (русской, конечно же, но также французской, немецкой, итальянской). Как и сама русская религиозная философия, противопоставляемая им западному рационализму и позитивизму, оно глубоко экзистенциально, проникновенно, лично и – резонансно.

Список литературы

Визгин, 2016 – *Визгин В.П.* Лица и сюжеты русской мысли. М.: Фонд «Развития фундаментал. лингвист. исслед.», 2016. 360 с.

Existential in Russian Thought (on V.P. Vizgin’s “Faces and Subjects of Russian Thought”. Moscow, 2016. 360 p.)

Ksenia Vorozhikhina

PhD in Philosophy, Research Fellow. Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences. 12/1 Goncharnaya Str., Moscow, 109240, Russian Federation; e-mail: x.vorozhikhina@gmail.com

Victor Vizgin’s book “Persons and Subjects of Russian Thought” concerns the ideas and thinkers of so called “Golden and Silver Age of Russian culture”, as well as the Soviet and post-Soviet periods. The article traces the development and relationship between the two basic trends of Russian philosophy, highlighted by the author, namely existential (accentuating the subjective-personal origin of the thought) and platonistic (relegating to objectivism, rationalism and ontologism) trends. The concept of “resonance”, which is used by Vizgin to describe the philosophical kinship and similarities of ideas under discussion, is analyzed in the paper. It also deals with Victor Vizgin’s understanding of the nature of existential thinking, and some peculiar characteristics of Russian philosophy, e.g. its strong affinity with literature.

Keywords: Russian philosophy, V.P. Vizgin, existential philosophy, resonance, G. Marcel, L. Shestov, Platonism, the philosophy of unitotality, P.A. Florensky

References

Vizgin, V. P. *Litsa i syuzhety russkoi mysli* [Faces and Subjects of Russian Thought]. Moscow: Fond «Razvitiya fundamental’nykh lingvisticheskikh issledovaniy» Publ., 2016. 360 pp. (In Russian)